

Читайте в серии
**ДЕВИЧНИК.
ВМЕСТЕ О ЛЮБВИ**

НАСТЯ ОРЛОВА, КАТЯ САММЕР

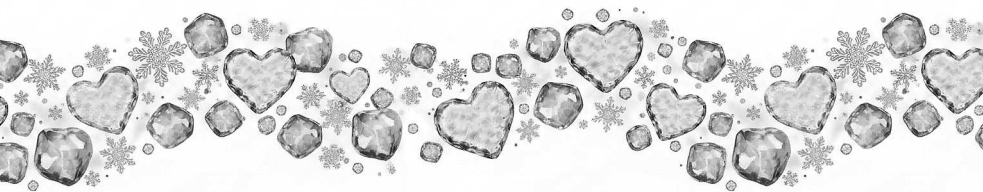
«На грани фола»

АВА ХОУП, ТАНЯ СВОН

«Лавина любви»

АННА БЕЛИНСКАЯ, МАРИЯ ЛЕТОВА

«Загадаю любовь»

Загадаю любовь

**АННА БЕЛИНСКАЯ
МАРИЯ ЛЕТОВА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Иллюстрации на переплете и на вклейках
Катерины Косьяновой

Белинская, Анна.

Б43 Загадаю любовь : роман / Анна Белинская, Мария
Летова. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-225697-4

Две романтические новогодние истории от авторов современной
любовной прозы.

«Долго тебя ждала»

Марк Зотов — моя первая любовь, мой первый парень и первый
мужчина. Первая рана в моем сердце. Семь лет назад он уехал, поклявшись в вечной любви и пообещав за мной вернуться. Я ждала, даже когда сообщения от него стали приходить все реже и реже. Не переставала ждать, даже когда поняла, что он меня забыл. А потом я сделала то же самое — забыла его. Но вот впервые за время яркой карьеры в НХЛ Марк приехал в родной город, и я всеми силами постараюсь с ним не встречаться.

«Загадаю тебя»

Данила Капустин — мое юношеское наваждение. Дерзкий и нахальный хоккеист, подающий большие надежды. Семь лет назад он видел во мне несуразную девчонку с копной непослушных кудрей и брекетами во рту. Я же влюбилась в него с первого взгляда, хоть и знала — он меняет девчонок как перчатки. К счастью, мы были знакомы недолго — он исчез из моей жизни так же стремительно, как появился, но только я ничего не забыла...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Белинская А., Летова М., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225697-4

Долго
ТЕБЯ ЖДАЛА

Глава 1

— Мне не нравится, когда мои вещи берут без разрешения!

— Это никому не нравится. — Впиваюсь глазами в сигнал светофора, мигающий последними секундами зеленого. — Пошли, пошли, пошли! — подгоняю дочь, сжимая ее теплую ладошку в своей и таща за собой к пешеходному переходу.

Морозный воздух сковывает легкие, в боку нещадно колет. Промозглый ветер забирается под куртку и разгоняет колючие мурашки по влажной коже. Адский дискомфорт!

Снегопад превращается в непроглядную стену к тому моменту, как мы перебегаем дорогу. Снежинки оседают на ресницах, по спине под пуховиком катится капля пота, когда слышу возмущенное:

— Почему Антону надели мои трусы без моего разрешения?!

— Что? — опускаю голову, удивленно глядя на дочь.

Маруся неваляшкой перебирает ногами в дутом комбинезоне, на ходу поправляя съехавшую на глаза шапку с изумрудными пайетками. Смотрит на меня в ответ, надув губы и выгнув пшеничного цвета брови. Сердце каждый раз оборачивается в теплый плед, когда вижу ее гримаски. Моя дочь — точная копия меня, и я счастлива,

что от отца ей достался только цвет глаз, а от меня — все остальное, включая мимику и ослиное упрямство.

— Твои трусы надели на мальчика?! — В моей голове просто взрыв из предположений, которые придерживаю.

— Он описался! — бубнит дочь. — И ему дали мои трусы! — рассказывает с глубокой обидой.

Вспоминаю, что запасное нижнее белье для нее в детском саду я не меняла года три. Положила сменный комплект в шкафчик — на всякий случай — в тот день, когда привела ее туда в первый раз. Не думала, что этот «всякий случай» произойдет спустя столько лет и не с моим ребенком.

— Я поговорю с воспитателем, — впопыхах обещаю разобраться в ситуации с трусами.

— Он сказал, что вернет их, когда постирает, — продолжает она пыхтеть. — Мам, можно я не буду их больше носить? — просит умоляюще, пока я тащу ее по тротуару.

— Пусть Антон оставит их себе на память! — Левой рукой нащупываю вопящий в кармане телефон. — Маруся, быстрее!

Под мышкой зажат чехол с ее костюмом, на локте висит спортивная сумка весом в тонну, поэтому достать звонящий телефон мне удастся с десятой попытки.

— Да! — шиплю в трубку, носом ткнув кнопку «принять» и зажав телефон между плечом и ухом.

— Я не смогу долго держать тебе место. Ты хоть представляешь, сколько здесь народа?! Где ты?! — голос подруги тонет в грохочущей на заднем плане музыке.

— Почти на месте! Я в тебя верю! — выдыхаю, надеясь, что она меня расслышала, и отбиваю звонок, возвращая телефон обратно в карман. — Быстрее! — подгоняю Марусю.

Она ловит ртом падающие снежинки и ладонью собирает с обочин рыхлый снег, который коммунальщики сгребли в огромные горы вдоль тротуара.

— Маруся! — возмущаюсь в ответ на то, как дочь рассматривает на свежевывавшем снегу следы от своих новых серебристых ботинок в условиях катастрофического цейтнота.

Впереди подсвеченное со всех сторон огромное здание нового Ледового дворца, и я тащу к нему ребенка, не позволяя больше отвлекаться на глупости. Сегодня я наглупила за нас обеих, когда решила довериться ее отцу, то есть человеку, которому доверять нельзя. Из-за него мы опаздываем, и опаздываем катастрофически!

Мне стоило бы обзавестись водительскими правами и личной машиной, чтобы облегчить нашу с Марусей жизнь, но я так этим вопросом и не озаботилась, за что сейчас хочу дать себе пинка.

— Слава богу! — выдыхаю, заталкивая дочь в стеклянные двери Дворца.

Ее отца за этот вечер я мысленно послала к чертям сотню раз и глубоко надеюсь, что он оттуда никогда не вернется. Я не истеричка, я стоматолог, но даже у меня бывают дни, когда готова не лечить, а калечить.

Он обещал отвезти Марусю и клялся ей, что будет присутствовать на ее выступлении, но у него снова нашлись дела поважнее. Если бы я знала, что мы будем ждать его до прихода адвентистов Седьмого дня, поехала бы с Таней.

Вся парковка комплекса забита под завязку — кажется, сегодня здесь собрался весь город. Неудивительно: новые грандиозные объекты в нашем городе открываются не каждый день и даже не каждый год.

— Маруся, пожалуйста! — сокрушаюсь, замечая, как дочь тормозит у новогодней елки в центре холла.

— Мам, посмотри! — шелестят ее губки, а в расширенных глазах отражаются разноцветные огни от пестрящей гирлянды.

Тяну ее мимо, к охраннику, который на пальцах объясняет, как попасть в раздевалки. Мы плутаем минут пять, пока не находим нужный коридор и «первую дверь направо», где девушка-организатор с планшетом в руках требует прямо с порога:

— Фамилия?

— Власова, — утираю пот со лба. — Власова Мария, — уточняю, сваливая вещи на скамью.

В раздевалке только мы, организатор и какая-то девушка, надевающая костюм Снегурочки. Судя по количеству оставленной под скамьями обуви, кроме нас все участники выступления давно на месте.

Пока разбираю сумку, дочь с любопытством наблюдает за Снегурочкой, которая крепит к затылку длинную искусственную косу. Для Маруси это зрелище не станет психологической травмой: на прошлом новогоднем утреннике в детском саду дочь узнала в Деде Морозе воспитательницу из параллельной группы и сказала мне об этом. Она достойно пережила эту правду жизни, но с тех пор мой ребенок больше не верит в сказки.

— Вы опоздали, — упрекает организатор. — Переодевайтесь и проводите ребенка к выходу на лед. Сектор «В». Налево по коридору, там указатели, — одаривает меня взглядом с претензией, перед тем как выйти из раздевалки.

— Снимай куртку! — понукаю дочь, дергая ее за шарф.

Ее внимание до сих пор занято лже-Снегурочкой, выворачивающей содержимое косметички на полку шкафчика.

Сбрасываю пуховик и достаю из чехла блестящий костюм «снежинки», пока Маруся копошится, перебирая пальчиками кнопки на куртке.

— Я хочу пить, — сообщает, усаживаясь на скамью.

Передаю ей маленькую бутылку воды, откопав ту в сумке.

Замерзшие руки упрямо не слушаются, пока пробую расправить расшитую блестками юбку-пачку, но впереди приключение посерьезнее: надевать легинсы мы обе ненавидим.

— Власовы?!

Вздоргнув, морщусь. Фамилия произнесена во множественном числе, а я никогда не была Власовой, но это вряд ли имеет значение для женщины, вошедшей в раздевалку.

Обернувшись, встречаю грозный взгляд нашего тренера по фигурному катанию, Тамары Ивановны Ключевой, и втягиваю голову в плечи.

Попасть к ней было сложно: она — лучшая из лучших.

Прикусываю язык, молча проглатывая любые возражения.

— Тамар-ра Ивановна! — выкрикивает дочь, намеренно удлиняя букву «р», с которой в последний месяц у них полное взаимопонимание благодаря работе логопеда. — Здравствуйте!

— Здравствуй. — Она подхватывает Марусю за локоть. — Там обуетесь, — велит мне. — Время! Вам часы подарить?

— Извините... — бормочу, хватая со скамейки коньки и маленькую пластиковую корону.

На арене дикий шум и столпотворение. Музыка и голос ведущего эхом разлетаются над головой, пока мы пробираемся через толпу вслед за Ключевой.

— Живее! — подгоняет она, провожая нас к выходу на лед, где скопились съемочные группы местных и не только телеканалов.

Выставив вперед плечо, слежу за тем, чтобы ладонь Маруси не выскользнула из моей. Если я потеряю ее сейчас, пушу себе пулю в лоб.

Ее пальчики цепляются за мои.

Огромное помещение, забитые до потолка трибуны и грохочущие басы масштабом поражают даже мое воображение. Бешеная энергетика давит на плечи, заставляя чувствовать себя микроскопической песчинкой в этом океане людей. Маруся сжимается в комок, сгорбив спину, и поднимает напряженный взгляд, выискивая во мне поддержку.

В такой мясорубке моя дочь впервые, и она волнуется.

— Ничего не бойся! — шепчу одними губами, ловя ее испуганный взгляд.

Маруся растерянно приоткрывает рот, являя мне милую дырку вместо молочного зуба. Он выпал на днях и до сих пор лежит у нее под подушкой. Его никак не заберет Зубная фея, потому что я забываю снять для нее наличку.

— Переобувайтесь быстрее! — махнув рукой на скамейку у стены, командует Ключева. — Ждите здесь! — и испаряется, слившись с толпой.

Мне требуется вечность, чтобы во всей этой сумятице натянуть на ноги дочери коньки и справиться со шнурками, в которых путаются пальцы. Масла в огонь подливают дети в таких же нарядах, как наш. Они организованной группой маячат на периферии зрения, и я боюсь потерять их из виду, из-за этого все время отвлекаюсь.

— Мам, жмет... — хнычет дочь.

— Сейчас! Черт! — рычу, развязывая только что завязанный узел, и принимаюсь ослаблять шнуровку.

Мои пальцы деревянные, и со второй попытки получается все тот же бардак. Распускаю шнурки в третий раз и, плюнув, упираюсь коленями в грязный пол.

— Шнурки затягиваются снизу вверх, а не наоборот, — раздается над моей головой скучающий мужской голос.

Первое, что мне хочется проорать ему в ответ, это: «Отвали!»

ДОЛГО ТЕБЯ ЖДАЛА

— Что?! — рывкаю, вывернув шею и обернувшись.

Скольжу глазами вверх по длинным мужским ногам, одетым в синие джинсы, спотыкаясь о медицинский фиксатор, в который закована одна из этих ног до колена. Поднимаюсь глазами выше — по узким бедрам, плоскому животу и широким плечам. Правым плечом мужчина опирается о стену. На нем красно-белый свитер с оленями, чтобы увидеть его лицо, я вынуждена запрокинуть голову и отбросить с лица волосы.

Сердце пропускает удар, когда все-таки добираюсь до упрямого точеного подбородка, рассеченного небольшим рваным шрамом слева направо, а потом к карим глазам, с лентой смотрящим на меня сверху вниз.

Водоворот вспыхнувших в голове воспоминаний на секунду отодвигает в сторону весь окружающий мир, отбрасывает меня в прошлое — туда, где мне семнадцать, а стоящему рядом мужчине девятнадцать, и я до безумия в него влюблена.

Забываю, как дышать, и смотрю, не моргая.

Ему требуется не меньше минуты, чтобы ленивое выражение на красивом лице сменилось подозрительным прищуром, а рот с недоверием произнес:

— Отелло?

Глава 2

Отелло...

Всего одно слово расшатывает мое внутреннее равновесие и со сверхзвуковой скоростью уносит в параллельный мир, где произнесенное только что прозвище известно лишь нам двоим: мне и стоящему передо мной мужчине.

Он растерянно проводит ладонью по волосам, приглядываясь ко мне и сводя брови к переносице, а я как замороженная слезу за сменой эмоций на его лице, думая, что у меня, возможно, галлюцинация.

— Офигеть... — На его мужественном лице появляется лукавая мальчишеская улыбка, от которой в животе случается кульбит.

Отелло...

Глупость из прошлого, которую он увез с собой в Канаду семь лет назад, сейчас, как шампанское, бьет в голову, вызывая головокружение.

Марк Зотов, молодая звезда НХЛ, действующая легенда нашего города, где хоккей — религия, а открытие сезона — событие, которого ждут больше, чем Нового года.

Зотов... Моя первая любовь и мой первый мужчина... Первая рана в моем сердце, которая заживала так долго и мучительно, что и сейчас можно увидеть шрам. Если очень сильно присмотреться.

Ошеломленно хлопаю ресницами.

Все умственные процессы в голове напрочь отшибло, превратив мозг в вязкую вату. Все, на что я способна в оглушающей веренице посторонних звуков, голосов и лиц, — это недоверчивое:

— Зотов?

Его улыбка становится еще шире. Белые зубы выстраиваются в идеально ровный ряд под преступно полной верхней губой. Сексуальная особенность, которая когда-то сводила с ума мои незрелые семнадцатилетние мозги.

Я представляла нашу с ним встречу миллиард раз ночами, когда обнимала подушку и с тоской ждала от него весточки — сообщения или звонка от своего парня, который в девятнадцать уехал играть по контракту в Канаду. Его сообщения становились все реже и реже, зато фотографии в соцсетях — наоборот, все ярче и ярче, как и девицы, которые на них мелькали.

Уже не помню, что конкретно я там себе представляла, но в моих фантазиях совершенно точно не было чего-то подобного: эпизода, где я, растрепанная, смотрю на него снизу вверх, а в горле саднит так, словно в него насыпали горсть битого стекла.

— Ух ты... — Зотов продолжает улыбаться, присматриваясь к моему лицу. — Отлично выглядишь...

В его речи — слабый акцент, на лице — легкое замешательство, но в основном он выглядит так, будто безумно рад меня видеть. Обо мне подобного не скажешь, я даже ради приличия не способна ответить на его улыбку.

На моем лице — ступор и шок, и Марка это не смущает. Он продолжает с интересом меня рассматривать, в то время как я пытаюсь вытолкнуть из себя хоть что-то членораздельное.

— Мам... — голос Маруси вырывает меня из оцепенения, заставляя повернуть голову.